

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Данчинова Мария Даниловна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

г. Улан-Удэ, Республика Бурятия

ФИЛОСОФИЧНОСТЬ ПУБЛИЦИСТИКИ

А. ВАМПИЛОВА

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос философичности публицистики А. Вампилова. Автор приходит к выводу, что в передаче сокровенных мыслей и чувств герой настолько же внутренне открыт и искренен, как это делали в своих произведениях русские писатели.

Ключевые слова: философичность, публицистика, А. Вампилов, философичность публицистики.

Стремление Александра Вампилова отобразить жизнь в движении, ее развитии можно отметить как особенность его творческого дарования. Именно такими чертами наделены очерки и статьи писателя. Для рассмотрения особенностей публицистической прозы мы остановились на замечательных очерках писателя «Как там наши акации?» и «Прогулки по Кутулику».

В данных очерках, на первый взгляд, ничего особенного нет. Прослеживаются черты документальности, реалистичности, что-то из жанра эпистолярных записок или мемуаров. Но это что-то – двоимирие, именно оно «цепляет», «приковывает» взгляд читателя.

В очерке «Как там наши акации?» картина движения и двоимирия проступает уже в первых строках: «Мимо нашей школы проходит Московский тракт, а дальше за Нижней улицей, за огородами, за лугом – железная дорога. Десять лет назад, когда мы отсиживали свои последние уроки, машины по тракту шли реже, а составы на подъеме против больницы ползли медленно с неровным стуком. Теперь без машины не обходится ни одной минуты, а поезда летят легко между

серыми опорами электросети» [1, с. 430]. В глаголах «проходит», «не обходится», «летят» запечатлено время настоящее. Герой очерка находится в позиции «здесь» и «сейчас». Перед читателем человек, уже умудренный каким-то опытом, который пристально рассматривает ушедшую в прошлое жизнь обыкновенного юноши. Второй мир обозначен словами «отсиживали», «шли», «ползли». Мотив движения обозначен в образах Московского тракта, Нижней улицы, Железной дороги.

Образ дороги проступает и в очерке «Прогулки по Кутулику», концентрируя в себе главную мысль произведения – идею движения, что явственно видно в строках: «Прошел поезд, из школьного сада налетел ветерок, дохнул черемухой и исчез. Отсюда была видна дальняя Берестенниковская гора, по ней, как струйка желтого дыма, поднималась к горизонту дорога. Ее вид взволновал меня, как в детстве, когда эта дорога казалась мне бесконечной и обещала множество чудес» [1, с. 438]. Видим, что так же мир героя представлен двумя временными плоскостями: настоящее и прошлое. Связуются отдаленные друг от друга по времени миры личностью героя.

Именно ему, герою очерков, тогда еще юному, не просто хотелось, а жаждалось покинуть знакомый мир – мир детства, юности, где «Все знакомо. До последней жердочки. Все по-старому. Зброшенная каменоломня, Маров лог, Каменный ложок, блокпост...» [1, с. 434], «... без особого труда можно различить лицо райцентра. Деревянный. Пыльный, с огородами, со стадом частных коров, но с гостиницей, милицией и стадионом... Словом, райцентр с головы до пят» [1, с. 437]. В данных примерах можно уловить, с позиции исследователя, наметившиеся линии разнообразных культурных, литературных реминисценций [2, с. 34]. Прежде всего, это мотив блудного сына, стремящегося как можно быстрее оставить родимый дом в жажде познать новую жизнь. Перед нами контурно обозначаются черты юноши, пока еще смиренного, но стоящего на пороге родного дома, оттого уже наполняющегося чувством какой-то удали перед дальней дорогой, напускной бравадой и излишней веселостью, за которыми стремится спрятать свою

несмелость и еще несамостоятельность в решениях: «После школы, помню, уезжал я без сожаления, рвался в город...» [1, с. 437].

В строках угадывается и гоголевское понятие русского пространства – его обширности, бескрайности, какой-то разбросанности и покинутости человека в глубинах России. Строками: «Кутулик от деревни отстал и к городу не пристал», – Вампилов, своего рода, повторяет это гоголевское понимание пространства, которое писатель обозначал и в «Ревизоре», и в «Мертвых душах» неопределенным словом «губернский городок N». Кроме того, в очерке слышится собственно гоголевский прием как «смех сквозь слезы» в представлении других персонажей очерков. Как, например, описание и характеристика «молодого художественного руководителя» в поселке, который требовал себе квартиру, аргументируя настоятельную просьбу словом «несолидно». По этому поводу автор, как справедливо отмечает исследователь, чрезвычайно ироничен, настолько душа не приемлет человеческой косности ума, лицемерия, ничем не прикрытой официальной лжи [3, с. 154].

Прием ретроспективности позволяет Вампилову не просто связать в своем герое воедино два обратно пропорциональных пласта, но и задать новое движение времени. В этом и проявляются истоки той «мощной психофизики», которую отмечает исследователь [4, с. 267]. Не скажем, что здесь проявляется чисто эпическое восприятие времени, когда колесо времени течет из настоящего, захватывая прошлое и устремляясь в будущее. Однако нельзя не прочувствовать именно такое движение авторской мысли в очерках. Это выражение времени проступает в размышлениях героя о родном поселке: «Райцентр, похожий на все райцентры России, но на всю Россию все-таки один-единственный... Но, отдаляясь, не чаще ли я стал возвращаться сюда в своих мыслях?» [1, с. 437]. Мысли героя тревожит память не просто детства, юношеских лет, а историческая, культурная память. Она исходит из современного герою Кутулика, где просто, по-обыкновенному шумят тополя, посаженные им и его друзьями в день школьного выпуска; из исторического прошлого поселка, который был некогда пересыльным пунктом Московского тракта для этапных по дороге в самую страшную тюрьму России –

Александровский централ; из церкви, преобразованной в кинотеатр. Память эта тревожит героя из пустых окон барака – дома учителей, где когда-то и он жил с родными: «Из комнат слышен был голос матери, по-учительски громкий и отчетливый, или репродуктор, круглый, черный...» [1, с. 438]. Тянется от тех одноклассников и знакомых героя, что остались дома, растить хлеб («и хлеба этого ради существует поселок Кутулик»).

В строках чувствуется нечто бунинское, тургеневское, когда родина воспевается в непринужденно высказанных, но затаенных словах, как: «нет, что и говорить, нигде на свете небо не бывает таким ясным, и нигде, если долгая непогода, она так не томит своей безысходностью. Травы пахнут здесь сильнее, чем где-либо, и нигде и никогда я ни видел дороги заманчивей этой вот, что по дальней горе вьется среди берез и пашен» [1, с. 440]. От Тургенева здесь четко выраженное чувство щемящей тоски по родине, от Бунина – звуки, запахи, настроение героя. В передаче сокровенных мыслей и чувств герой настолько же внутренне открыт и искренен, как это делали в своих произведениях русские писатели. В этом и проявляется глубинность мыслей Александра Вампилова, философичность его публицистики.

Список литературы

1. Вампилов А.В. Дом окнами в поле / А.В. Вампилов. – Иркутск, 1981. – 690 с.
2. Лашкин В. Душа живая: (Жизнь и творчество А.Вампилова) / В.Лакшин. – 1981. – №3. – С. 204–211.
3. Юрченко О.О. Своеобразие иронии в ранней прозе Вампилова. Современные проблемы филологии / О.О. Юрченко. – Улан-Удэ, 2003. – С. 154–157.
4. Гушанская Е. Александр Вампилов: Очерк творчества / Е. Гушанская. – Л., 1990. – 320 с.